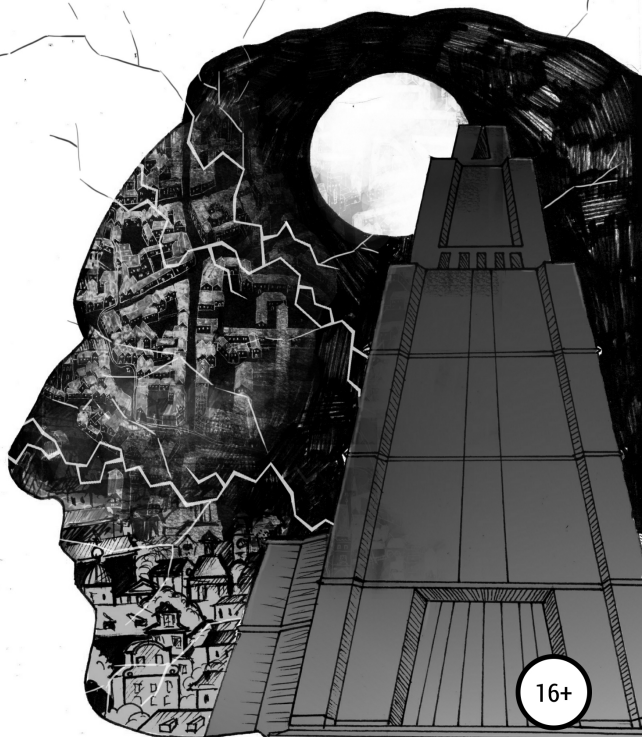

Филипп Тагиров

16+

Автаркия

*или путь
Минина*

Филипп Тагиров

Автаркия, или Путь Мишимо

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56442694

SelfPub; 2020

Аннотация

Историк Аркадиос Путник пишет книгу в честь 80-летия великого Вождя, уже много лет ведущего небольшую, но прекрасную страну Красногория к процветанию и всенародному благополучию. Однако по мере знакомства с секретными архивами, Аркадиос открывает неизвестные ранее страницы жизни Вождя и близких ему людей... Так ли уж велик великий Вождь? Так ли прекрасен мир, который он построил? История не знает сослагательного наклонения. А вот литература и философия знают и могут спросить "А что было бы, если бы?" А что, если бы одна из стран Восточной Европы во второй половине XX века пошла другим путем? А что, если бы к власти в ней пришли лидеры, живущие исключительно ради высоких идей и желающие построить новое, совершенное общество из людей, для которых общее благо будет важнее собственного благополучия? Что если бы эта страна сумела сохранить свою независимость от политических сил как Запада, так и Востока? И какова была бы цена за этот идеальный мир? Готов ли человек ее заплатить?

Содержание

Вступительное слово, предваряющее исследование	5
1	10
2	14
Из воспоминаний Мишимо (Марека Хованского): июль 1968 г.	16
3	23
4	27
Стенограмма записи телефонного разговора между Дубравкой Хавранек и Жан-Полем (Яношем Коваксом) от 3 апреля 1972 г.	28
5	32
Из воспоминаний Мишимо (Марека Хованского), июнь 1972 г.	33
Конец ознакомительного фрагмента.	41

(черновики историко-биографического исследования)

Вступительное слово, предваряющее исследование

Славен да будет наш Председатель, да продлятся дни его до скончания века!

Высшим соизволением Комиссии по историческому наследию вашему ничтожному слуге, историку второго ранга Аркадиосу Путнику, доверено написание биографического исследования, посвященного жизни нашего всеславного Председателя, да будет поступь его легка, а шаг тверд во веки веков, издание которого будет торжественно приурочено Юбилею нашего благословенного Вождя, коему исполняется 80 лет, да придут имя его и дела его с народом нашей Республики вечно.

Фактическая достоверность предстоящего исследования будет подтверждаться документами из официальной хроники, а также стенограммами заседаний Партии, деловой и личной корреспонденцией и записями разговоров Председателя, да пребудет его слово с нами и нашими потомками, со своими коллегами, друзьями и оппонентами. Большую ценность для нас представляют воспоминания Мишимо (в том числе и неопубликованные).

Среди прочего мы будем опираться на работы таких историков, как У. Беланик, Э. Искра, Н. Целестина, Б. Тодо-

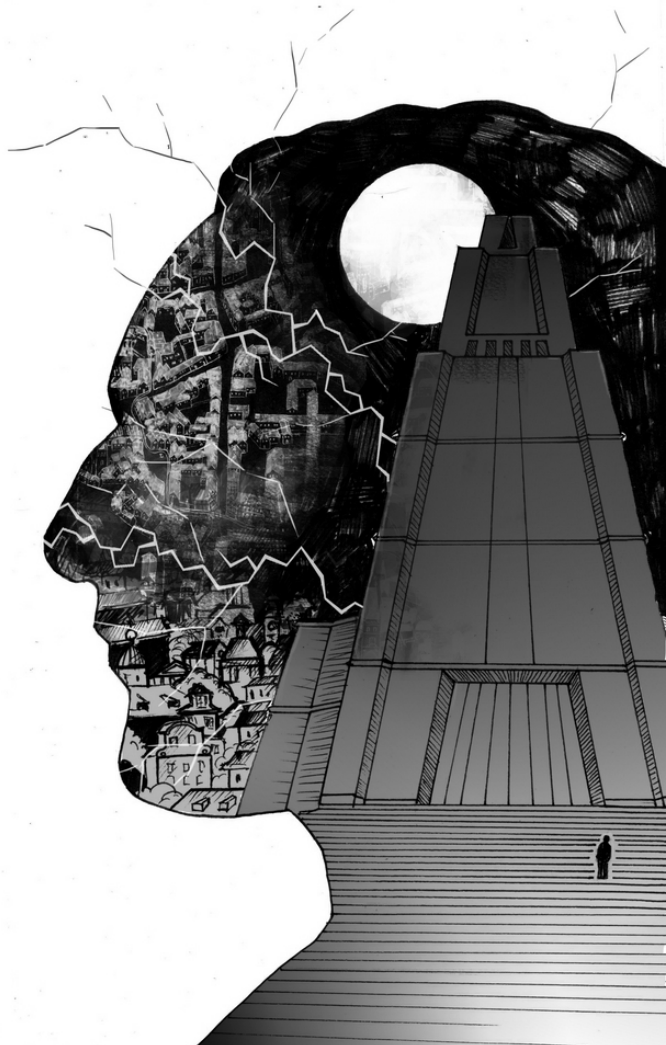
раш, К. Новак, Д. Думитру, Г. Фазека, М. Козма, С. Петрика, Б. Копош, А. Иванческул, Г. Калапац, С. Мысак, М. Воржисек, Л. Воганька, П. Негош и др.

Для исполнения этой великой миссии мне открыт доступ класса «А» ко всем архивам (включая те, что пережили пожар в здании расформированного Отдела этического контроля – печально, что многие документы во время пожара были безвозвратно утрачены, что, возможно, оставит определенные «белые пятна» в нашем исследовании). В мои задачи входит не только в очередной раз воспеть деяния этого человека на посту Председателя Правительства нашей Республики, но и как можно более целостно и обстоятельно осветить жизненный путь нашего Председателя, да будет он всегда наивысшим образцом Чести для всякого человека, до его вступления в должность нашего руководителя. Конечно же, никак недозволительно будет опустить и блистательную речь, произнесенную нашим Вождем, да осветит его мудрость каждый дом, в 1978 г. на том судьбоносном заседании Национального собрания, с которого начинается эпоха нашего нового государства, и его глубокое сочувствие и сопереживание нашим братьям-гдnezинцам в час беды, также мы постараемся придать не только историческую, но и личностную глубину тому контексту, в котором принимались самые важные его решения на посту Председателя.

Подобное издание, безусловно, позволит гражданам нашего славного Отечества ближе узнать человека, который

благодаря своим выдающимся качествам вывел нас из времени смут, коррупции и продажного капитала, прежде всего как человека, и будет способствовать еще большему сплочению нашего народа вокруг этой великой фигуры.

(от руки:) Я планирую излагать события в соответствии с их хронологическим порядком, соответствующим образом я распределил и документы, на которые мне предстоит опереться.

1

Как известно, с самого рождения нашего Председателя, да будут годы его бессчетны, жизнь его была наполнена драматизмом, осознать который он, будучи еще совсем маленьким ребенком, конечно же, тогда не мог, однако мы должны признать, что те события не могли не внести в дальнейшем свою лепту в формирование его многогранной и глубокой натуры – одновременно героической и мудрой.

В первые годы нашего нового государства существовали нелепые попытки приписать Председателю, да пребудут его близкие в мире и благодати, одновременно как аристократическое (А. Фабиан и М. Цезареску), так и простое, крестьянское происхождение (В. Братушек, Г. Кнут и С. Пинч). Сам он не спорил и не соглашался ни с первыми, ни со вторыми, но мы-то знаем, что эти горе-биографы были людьми недалёковидными и политически близорукими, желающими из-за нехватки информации домыслить образ поистине великого человека своим скудным умишком. Мы же будем опираться на документальные свидетельства, часть из которых в настоящий момент является достоянием общности, а часть хранится в закрытых архивах. (В конце нашей книги будет приведен исчерпывающий перечень источников, включая коды закрытых документов, чтобы историки будущего могли без труда найти их в случае, если доступ к

ним станет открытым).

Отец его, г-н Северин Гордиев, конечно же, не принадлежал к простым крестьянам, но не относился он и к аристократии голубых кровей; правильно будет сказать, что он был землевладельцем средней руки. В 1939 г., когда началась оккупация, будучи активным борцом Сопротивления, он предложил свою усадьбу для размещения нацистского офицерского состава, чтобы получать необходимую Сопротивлению информацию почти что «из первых рук». Некоторые политические интриганы и прочие враги нашего государства заявляли впоследствии, что в то время он еще не был членом Сопротивления, да и самого Сопротивления-то толком еще не существовало, и что его поступком руководило желание таким образом обезопасить себя и свою супругу, которая уже носила под сердцем их единственного ребенка, но мы-то знаем, что это бессовестная ложь и что такой человек как отец нашего Председателя, да сгинут все гнилые языки, возводящие хулу на него и его близких, не поставил бы собственный интерес выше интересов Отчизны. Еще большее негодование вызвало предположение г-на А. Бдыну, высказанное в его клеветнической и подстрекательской книге «Знаем ли мы всю правду о "Правде"?» 1978 г. (запрещена в 1984 г.), о том, что г-н Гордиев приветствовал оккупационные войска, поддавшись вражеской пропаганде, и вступил в Сопротивление только в 1941 г., когда стало известно о лагерях смерти, созданных на территории соседних государств. Подоб-

ное допущение попросту немислимо, поскольку совершенно очевидно, что ни один человек, находящийся в трезвом уме и здравый духом, не принял бы идеологию оккупантов – ни целиком, ни даже отдельные ее положения.

В октябре 1943 г. г-н Гордиев получил повестку прибыть для дачи показаний в областной центр. Не было ни ареста, ни конвоиров, просто письмо, которое вручил ему один из их «квартирантов». Как впоследствии рассказывала г-жа Гордиева, ее муж заподозрил, что немцы хотят, чтобы он запаниковал и, сбежав, вывел их на своих соратников. Попытаться спрятаться вместе с женой и малолетним ребенком значило бы неминуемо навлечь беду и на них. И тогда он принял решение самолично явиться в гестапо. Прощаясь с трехлетним сыном, он передал ему короткое письмо, в котором так объяснял свое согласие явиться на допрос: «Помни, что Сократ выбрал цикуту. Он мог бы бежать, презрев свой приговор, но он предпочел умереть, подчинившись закону, который так несправедливо с ним обошелся. Платон уверен, что Сократ поступил правильно, и я согласен с Платоном. Порядок должен рождаться в первую очередь изнутри, но для многих людей внутренний порядок будет невозможен, если вокруг царит хаос – для них основой для порядка внутри должен стать порядок снаружи. А значит, что ради общего блага даже те, кто способен выстоять в хаосе, должны утверждать порядок снаружи и сами подчиняться ему». Разумеется, самостоятельно прочитать это письмо его сын смог толь-

ко несколько лет спустя, а правильно понять – значительно позже. Как и предполагал г-н Гордиев, с допроса он не вернулся, не позвонил, больше о нем они никогда ничего не слышали – даже поиски после окончания войны не дали никаких результатов.

На следующий день г-жа Гордиева с сыном бежали. Опасаясь слежки, они не могли остановиться ни у кого из знакомых или родственников – так, в скитаниях, они и встретили конец войны. Когда будущему нашему Председателю, да станет мудрее каждый, кто произносит его имя, исполнилось шесть, он пошел в школу, а по ее окончании поступил в Выжградский университет, где специализировался на античности и медиевистике. Именно в университете он сошелся с Марекком Хованским, Яношем Коваксом, а также с доктором Рудольфом Баумгартеном, которого они втроем за глаза всегда называли просто, но с большим уважением: Учитель.

Добавить больше подробностей про школьное время – все-таки это очень большой период жизни каждого, о чем часто забывают. Еще раз просмотреть материалы школьных аттестаций: должны же существовать подтверждения, что у него были пятерки не только по истории, языку и физическому воспитанию, но и по другим предметам.

2

По-настоящему история нашего бессменного лидера, да будет его имя вечно сиять на скрижалях Клио, начинается в июле 1968 г., когда он отказывается от своего брэнного имени и выбирает свое имя подлинное.

В воспоминаниях Мишимо имеется фрагмент, описывающий это событие. К тому времени будущий наш Председатель, да будет его путь примером всякому, уже вернулся с армейской службы и снова сошелся со своими университетскими друзьями. Незадолго до описываемых событий он сближается с Дубравкой Хавранек, которая в то время как раз окончила университет, получив диплом с отличием по специальности «право». Сошлись они благодаря Жан-Полю, который на тот момент был с ней знаком уже два года. Разумеется, Жан-Поля связывали с ней исключительно дружеские отношения.

Для лучшего понимания беседы, которую воспроизводит Мишимо, будет нелишним вспомнить исторический контекст, на фоне которого перед нами предстают персонажи его воспоминаний.

К 1968 г. становится совершенно ясно, что санкционированная Президентом Боговичем ускоренная модернизация и сопутствующий ей экономический подъем не несли благо всем гражданам Красногории в равной степени, а, напро-

тив, способствовали нарастающему расслоению общества и обострению противоречий между богатыми (банкирами и промышленниками), которые становились еще богаче, и бедными, которые становились еще беднее и вынуждены были мириться с любыми условиями труда. Рабочие выжгородского сталелитейного завода объявляют забастовку за забастовкой, многие из них выходят на улицы под лозунгами протеста. К ним постепенно начинают присоединяться шахтеры с горнодобывающих предприятий из разных областей страны. На селе предприниматели с крупным капиталом организовали фермы на землях, выкупленных или арендованных ими у государства или потомственных землевладельцев, и постепенно вытеснили индивидуальные крестьянские хозяйства. Это привело к обнищанию и росту долгов среди землепашцев и мелких фермеров, что породило все нарастающий ропот недовольства.

На улицах города начинают возводиться баррикады.

Во избежание путаницы в нижеследующем и других фрагментах воспоминаний Мишимо даты обозначают время, о котором в них повествуется, а не год, когда были зафиксированы сами воспоминания.

Из воспоминаний Мишимо (Марека Хованского): июль 1968 г.

Мы все тогда болели экзистенциализмом, особенно, кхм, Жан-Поль – не случайно же он выбрал себе именно это имя. Сокольских пытался еще привить нам ситуационизм. Мы даже ходили послушать Ги Дебора, когда были во Франции, но в тот раз он не особо мне понравился: он показался мне каким-то ненастоящим, каким-то нарочито, неестественно радикальным, говорил, будто выступая в театре одного актера, словно наперед зная, что из всех, кто его слушает, ни один не пойдет с ним до конца.

Вместе с тем Юлиус проводил много времени за чтением книг метафизического и даже теософского содержания, что, как язвительно заметил Жан-Поль, делало его экзистенциалистом-перевертышем, а также древних трактатов о сущности государства и власти. Однажды я принес ему «Повесть о доме Тайра», «Записки из кельи» и «Золотой храм». Прочитав их, он заявил мне, что я похож на японца. Думаю, это был комплимент.

В самом решении именно выбрать имя было много от экзистенциализма – не сущность определяет существование, а существование – сущность. Ты – тот, кем ты себя выберешь. Мы сидели на веранде кафе «Roma», что на Милована Ви-

тезова, и пили кофе. День был ясный, знойный, но с Визмяти тянуло влажной прохладой. Мы только что вернулись из Парижа и пытались сравнить увиденное там с беспорядками, которые начинали охватывать Выжград. В очередной раз заспорили о том, каково должно быть наше место в самой что ни на есть новейшей истории нашей страны, которая в эти дни вершилась прямо на наших глазах. Идея самим выбрать себе имена вместо тех, что нам дали при рождении, пришла в голову, разумеется, Жан-Полю – тогда еще Яношу. Я сразу же поддержал его, наполовину в шутку. Помнится, с нами была Дубравка, она встретила предложение Яноша звонким жизнерадостным смехом, подобно тому, как радуется антрополог, обнаружив у своего соседа очередную чудинку. А вот Юлиус одобрил эту затею с серьезностью, удивившей нас.

Почему он выбрал именно это имя? Быть может, мысль его устремилась в этот момент в далекие античные времена, а может быть, и вовсе не в столь далекие – нам же он объяснил свое решение очень просто: он выбирает свое подлинное имя в месяце июле, время, когда он делает свой выбор, само подсказывает ему, какое имя он должен взять. Жан-Поль сразу же обрушился на него, негодуя: какой же это экзистенциальный акт, если ты выбираешь себя по воле обстоятельств, которые ты никогда не выбирал? «Ты хочешь надругаться над экзистенцией и как бы невзначай затащить нас в свою дремучую метафизику!» – возмутился он. Юлиус улыбнулся ему, чуть снисходительно, но совершенно по-друже-

ски, и с легкой иронией в голосе парировал, что мы не выбирали не только обстоятельства, в которых мы совершаем выбор, но и многое в себе, с чем мы пришли к этому моменту выбора, но вот что мы будем со всем этим делать и куда пойдём – вот это-то мы как раз выбираем. Более того, то, что сейчас месяц июль и что кому-то пришло в голову назвать это кафе «Roma», – мы это, разумеется, не выбирали, но позволить или не позволить тем или иным обстоятельствам послужить неким знаком для твоего выбора – в этот-то и заключается твой выбор.

– Я делаю этот выбор свободно, по собственной воле. И я готов нести за него ответственность, – сказал Юлиус. – Да, метафизика утверждает, что в мире есть высшие законы, не зависящие от нашего выбора. Я – метафизик, но быть метафизиком, снова и снова выбирать быть метафизиком – это и есть мой экзистенциальный выбор.

Торжественность момента была бесцеремонно нарушена подошедшим официантом, который спросил, собираемся ли мы ещё что-то заказывать или намерены расплатиться. Он уже какое-то время стоял неподалеку и отчаянно зевал, притворяясь, что делает это в направлении гор.

Мы пошли по набережной, вниз по течению Визмяти, миновали собор Петра и улицу Матея Михайлеску и у моста Росетти, как всегда, задержались, изучая выставленные на продажу старые книги. Помню, Юлиус полистал несколько пыльных томов в потрепанных выцветших переплетах и,

вздыхнув с видом человека, которому никогда не хватит времени, чтобы прочесть все книги на свете, предложил продолжить нашу прогулку.

Мы перешли на староградскую сторону. В цыганском квартале было шумно и, как нам показалось, еще более жарко, чем в других частях города. Яркие цветастые одежды, громкие голоса, мельтешащие повсюду босоногие дети, настойчивый запах подгорелой еды – все это будто бы излучало свою летнюю, разгоряченную энергию прямо в воздух. По Житной направились в сторону площади Свободы, но путь дальше нам преградили баррикады. Вокруг суетились люди, несли какой-то хлам, двигали мусорные баки, четверо тащили телефонную будку и распевали грубую песню про жену мельника. Два полицейских стояли поодаль и задумчиво дымили папиросами, молча наблюдая за происходящим.

Жан-Поль предложил пойти к протестующим, но мы с Юлиусом отговорили его: нам пока нечего было им сказать. Еще немного понаблюдав за тем, как на наших глазах под палящим солнцем суetyающиеся люди из рухляди и обломков старой жизни воздвигали жизнь новую, мы решили обойти площадь Свободы стороной и двинулись к Буковой аллее.

Выбор подлинных имен не был просто случайной блажью интеллектуалов-бездельников – под этими именами мы собирались принять участия в событиях, которыми был готов вот-вот разродиться наш город, под этими именами мы должны были войти в историю нашего государства.

Помню, как Юлиус сказал, насколько непросто, наверное, будет забыть себя ради блага других людей. Дубравка предложила присесть на скамейку в тени и, достав гребень, чтобы расчесать свои длинные русые волосы, спросила нас, на что же мы готовы пойти ради блага этих людей. По-видимому, она в тот момент даже не задумалась, что для нас с Юлиусом и для Жан-Поля словосочетание «эти люди» означало разные вещи. Для Жан-Поля это, в первую очередь, были рабочие, угнетенные, эксплуатируемый класс. Для нас же «эти люди» были нашим народом.

– На многое, – кратко ответил Юлиус.

Тут оживился Жан-Поль:

– Что значит «на многое»? – спросил он, закуривая. – Готов ли ты встать на баррикадах с такими же, как ты, под ударами брандспойтов? Готов ли кидать «Молотов» в жандармов?

Юлиус резко покачал головой.

– Когда я сказал, что готов пойти на многое ради блага этих людей, я не имел в виду уличные стычки. Я имел в виду действительно многое: стать их лидером, стать для них всем, повести их за собой.

Жан-Поль хотел, вроде, что-то еще спросить, но, издав неопределенный звук, замолчал, несколько ошарашенный ответом Юлиуса. Вероятно, тогда он еще не осознавал, что когда-то в будущем, добейся мы успеха, наши дороги неизбежно разойдутся, но слова Юлиуса, тем не менее, заставили его посмотреть под новым углом на возможный масштаб

нашего участия в происходящем.

Чуть позже Юлиус задумчиво признался, что не хочет начинать с улиц. Ему есть, что сказать, но он считает, не в вульгарной уличной толпе ему следует изначально искать единомыслия.

– Ты понимаешь, что только что ты оскорбил всех этих людей, собравшихся вместе во имя справедливости и правды? – спросил его Жан-Поль.

– Нет, – возразил Юлиус, – я не оскорблял их. Они действительно собрались сейчас на баррикадах под общими лозунгами, и они верят, что они действительно разделяют одни и те же идеи. Но, кроме того, что толпа усредняет любую мысль, толпа объединяет только до тех пор, пока ты в ней. Как только им кинут их кость, или как только им просто надоест, они разойдутся по домам и большинство из них забудет обо всей своей «идейности». На баррикадах останутся только идиоты-фанатики, деликвенты и психопаты, а с ними в лучшее будущее не пойдешь... Поэтому прежде, чем обращаться к массам, надо собрать вокруг нас людей, искренне преданных идее – но не фанатиков (они потом сами прилипнут), а людей понимающих.

Я подался вперед.

– Университет, – сказал я.

Жан-Поль вскинул бровь. Мне померещилось, что глаза Юлиуса блеснули, как если бы я подкинул ему ответ на терзавший его вопрос.

– Наши студенты. Наши молодые коллеги, – проговорил он, кивая.

– И наш Учитель, – подхватил Жан-Поль.

При упоминании Учителя Дубравка встрепенулась: она собиралась писать у него диссертацию. Мы проговорили еще с полчаса под сенью вековых буков и направились в сторону Конкордии.

Когда мы прощаемся, я отвожу Юлиуса в сторону и спрашиваю:

– А если ты вдруг однажды станешь для них всем, и они будут идти за тобой, на что тогда ты готов будешь пойти ради их блага?

Юлиус несколько секунд не произносит ни слова. Я вижу, как в нем зреет, копится, собирается в туго скрученную спираль какая-то нечеловеческая решимость.

– На очень многое, – говорит он. – Думаю, что даже на большее, чем мы с тобой сейчас можем представить.

Нужно сократить фрагмент из воспоминаний Мишимо, убрав несущественные детали (подумать, какие).

Добавить про университетскую жизнь, а также про поездку во Францию и участие в парижских событиях. Наверное, стоит обратить внимание на детство и юность Хованского и Ковакса.

3

В сентябре 1968 г. при поддержке Рудольфа Баумгартена было создано общественное движение «Правда» (что детально описано в книге Й. Гребенца «"Правда": первые дни»). Официальным лидером движения стал сам Баумгартен, но, как мы знаем, Юлиус, да прибудет с нами сила его правоты, и его ближайшие соратники с самого начала принимали самое энергичное участие в жизни «Правды». Благодаря активной пропагандистской деятельности движения к рабочим-сталилитейщикам на баррикадах присоединилась молодежь (в первую очередь из университетской среды), а также многие представители прогрессивной интеллигенции и национальных меньшинств, чьи интересы были ущемлены фактической политикой президента Боговича, проводившейся вразрез с декларируемыми в Конституции принципами равноправия всех национальных и этнических общностей в многонациональном государстве Красногория. Обращения к недовольным шахтерам, крестьянам и мелким фермерам привлекли в столицу многочисленных представителей этих слоев населения. Еще одним достижением «Правды» стало превращение протеста из локальных уличных пикетов и баррикад, сопровождавшихся порой погромами и насилием (что не могло не вызывать настороженное и недоверчивое отношение к протестующим со стороны простого го-

родского населения), в широкую по области применения повседневную модель, которую каждый, кто чувствовал недовольство существующим порядком вещей, мог практиковать в самых различных формах по дороге на работу и обратно домой, в заводском цеху, в редакции газеты, в продовольственном магазине, в институтской лаборатории, в шахте, на поле, в военной казарме, на заседании Национального собрания.

К началу 1969 г. стачки регулярно прерывали работу заводов и фабрик. Профессора и студенты отказывались встречаться в установленное время, вместо этого проводя многие и многие часы вместе, обсуждая не предметы, предписанные программой, а вопросы, которые взаправду их сейчас волновали, или участвуя в акциях гражданского неповиновения. Транспортные работники – от сотрудников аэропорта до дорожных рабочих – создали Координационный комитет и обнародовали график забастовок, с которым предложили сверяться всем желающим совершить путешествие или даже поездку в другой конец города. Добыча железной руды, угля и бокситов стала осуществляться с перебоями. Не было единомыслия и в рядах полиции. В феврале Президент Богович подвел к Выжграду военные части, но так и не отдал им приказ войти в город. Вместо этого он предпочел распустить Национальное собрание и подать в отставку.

На внеочередных выборах в Национальное собрание, которые прошли 11 марта, движению «Правда» удалось полу-

чить 33% мест, и хотя Жан-Поль признавался, что рассчитывал на большее, это, несомненно, была крупная политическая победа. Национальное собрание предложило несколько существенных поправок в Конституцию, которые были вынесены на всеобщий референдум и благодаря которым в Красногории утверждалась парламентская республика. На референдуме народ Красногории поддержал это решение.

Однако правительство, сформированное обновленным Национальным собранием, оказалось преимущественно центристским. Ознакомившись с составом кабинета министров, Юлиус, да хранит его зоркий глаз каждого, публично признал, что по принципиальным вопросам каких-либо перемен (по сравнению с курсом президента Боговича) «от этих людей ждать не стоит» (Стенограмма заседания ЦК движения «Правда» от 20 апреля 1969 г.). Единственным центристом, который, по его словам, «заслуживает доверия», был вошедший в новое правительство лидер движения «Правда» Рудольф Баумгартен.

Вместе с тем впервые дала о себе знать идейная неоднородность движения «Правда»: левый фланг движения при поддержке определенных парламентских фракций сумел настоять на дальнейшем проведении политики обобществления земли, прежде всего, пригодной для выращивания сельхозпродукции, что породило тревогу среди потомственных землевладельцев. Однако раскола движения за этим не последовало. Выступая перед своими соратниками, Мишимо

подчеркнул, что «честность и стремление к справедливости, которые разделяют и левые, и правые, могут восходить к разным аргументам, но если центр превратился в продажное и коррумпированное болото, то левые и правые сходятся в одной точке, и эта точка – ниспровержение центра» (Стенограмма заседания ЦК движения «Правда» от 17 мая 1969 г.).

4

В январе 1972 г. Рудольф Баумгартен, председатель ЦК партии «Правда», перенес инсульт. И хотя он довольно скоро вернулся к своей работе в министерстве юстиции, здоровье его пошатнулось. В последующие месяцы многие с удивлением обратили внимание на то, что новые публичные заявления Баумгартена, равно как и его деятельность в правительстве, начинают выражать все более и более соглашательскую позицию.

В процессе моих исследований обнаружился ранее неизвестный факт, который, однако, проливает дополнительный свет на ряд ключевых событий того времени. Согласно найденным мною материалам, хранившимся в Отделе этического контроля, в апреле 1972 г. Юлиус, *надо будет что-то сюда вписать*, приходил к Баумгартену с неофициальным визитом, последствия которого не преминули сказаться, как на судьбе каждого из них в отдельности, так и на судьбе всей Красногории.

Один из крайне немногочисленных источников, отсылающих к описываемому визиту – стенограмма телефонного разговора Дубравки, к этому моменту уже ставшей супругой Юлиуса, да продолжится он в делах каждого из нас, с Жан-Полем.

Стенограмма записи телефонного разговора между Дубравкой Хавранек и Жан-Полем (Яношем Коваксом) от 3 апреля 1972 г.

ЖАН-ПОЛЬ: Алло?

ДУБРАВКА: Привет, Янош!

ЖАН-ПОЛЬ: О, привет, Дубравушка! И ты все еще зовешь меня тем именем...

ДУБРАВКА: Зову... Это неправильно? Тебе неприятно?

ЖАН-ПОЛЬ: Нет, ты что? Просто это как откуда-то из прошлого. И вроде как не обо мне, а о ком-то другом. И в то же время обо мне. Не неприятно. Как-то неожиданно тепло.

ДУБРАВКА: Ну хорошо тогда. Я, собственно, что звоню... Янош, ты уже знаешь, что Юлиус сегодня ходил к Учителю?

ПАУЗА.

ЖАН-ПОЛЬ: Нет. Раз ты звонишь из-за этого, значит, похоже, не просто по рабочим делам, да?

ДУБРАВКА: Да, именно так. И они очень плохо поговорили. Меня всю сейчас лихорадит. Скажи мне, что мы все по-прежнему вместе и что Учитель – все еще наш Учитель.

СЛЫШНО, КАК ЖАН-ПОЛЬ КАШЛЯЕТ.

ЖАН-ПОЛЬ (ЧУТЬ ХРИПЛО): Дубравушка, а о чем они говорили?

ДУБРАВКА: Ох, я не очень все это понимаю. С чего вдруг?.. Юлиус говорит, что сначала они беседовали вполне по-дружески, он справился о здоровье Учителя, повспоминали прошлое, а затем перешли к текущим вопросам. И он предложил тому уйти в отставку.

ЖАН-ПОЛЬ (ВОЗБУЖДЕННО): Юлиус Учителю?

ДУБРАВКА: Да! Он сказал ему, что по-прежнему глубоко его уважает, но люди стали поговаривать, что тот начал сдавать. Сказал, что он больше не выражает интересы нашего движения. Уступает промышленникам и банкирам. Во всем соглашается с прогнившими коррумпированными бюрократами-центристами. Юлиус сказал, что Учитель должен выправить этот крен, иначе это погибель для всего нашего дела. И тот замкнулся. Юлиус говорит, что он стал абсолютно недоступен для аргументов. Юлиус понял, что Учитель не будет ничего менять. Не хочет или не может. Тогда он предложил Учителю внять здравому смыслу и чувству ответственности и оставить пост главы нашей партии. Учитель воспринял это предложение как личное оскорбление и сказал, чтобы Юлиус больше никогда не переступал порог его дома.

ЖАН-ПОЛЬ: Ничего себе... Действительно, плохой вышел разговор. А где он сейчас? И когда он тебе все это рассказал?

ДУБРАВКА: Он зашел за мной в университет, и мы прогулялись до дома. Потом он ушел, сказал, что по делам, а я все никак не могу найти себе места...

ЖАН-ПОЛЬ: По делам? Он не сказал куда? А, впрочем, я и так знаю. Наверняка, пошел к Мишимо. Почему не ко мне? Разве не втроем нам надо решать такие дела?

ДУБРАВКА (ПОСПЕШНО): Конечно, втроем. Он обязательно еще тебе позвонит – наверное, просто хочет обдумать ситуацию... Ох, наверное, мне не надо было тебе звонить, пока он сам все тебе не рассказал. Черт. Ладно. Так что? Неужели у нас с Учителем и вправду все стало так плохо?

ЖАН-ПОЛЬ: Все непросто. Как лучше сказать?.. Учитель... он... в каком-то смысле мы преклоняемся перед ним. Он столько нам дал. Научил нас быть такими, какими мы стали. Показал, что порядок вещей не абсолютен, что мы можем его изменить. Он создал наше движение. Но... сейчас... Как ни печально признавать, но Юлиус дал верную оценку. Все так. Люди меняются, крепнут, закаляются или... становятся слабее. Возраст. Этот удар. По-человечески я это все очень хорошо понимаю и сочувствую нашему Учителю... как человеку. Но Юлиус прав: так двигаться дальше невозможно.

ПАУЗА.

ДУБРАВКА: Ох... как все это... тяжело. Я ведь очень люблю Учителя. Но я верю вам с Юлиусом. И понимаю, что вы не стали бы говорить про него такие вещи, если бы наше дело действительно не оказалось под угрозой...

ЖАН-ПОЛЬ: Подожди. Кто-то пришел... Это все-таки они! Видимо, принесли мне новости. Я был не прав на их счет. Ладно, надо прощаться. До свидания, Дубравушка.

ДУБРАВКА: Пока, Янош. Удачи.

5

Юлиусу, да будут учиться наши дети и дети наших детей на примере его мудрости, стало известно о том, что Баумгартен готовится исключить его из рядов «Правды». Зная, что многие непременно встанут на его сторону, но не желая раскола движения, он покинул партию. Его публичная деятельность в этот период значительно сокращается, большую часть времени он посвящает своим историческим исследованиям и переводам, однако все это время он поддерживает связи с рядом бывших однопартийцев и в первую очередь – с Мишимо, Жан-Полем и Радуг Сокольских.

Воспоминания Мишимо содержат один весьма любопытный неопубликованный фрагмент, в котором описывается прогулка, предпринятая будущим Председателем, да будем мы учиться настоящей дружбе на его примере, летом 1972 г., в процессе которой, беседуя со своими товарищами, он определяет некоторые ключевые идеи, которые впоследствии лягут в основу Пути Мишимо.

В тексте упоминается монумент: имеется в виду памятник Якову Доброславу, на месте которого в настоящее время стоит фигура Председателя Юлиуса, да будут и наши дела достойными того, чтобы быть увиденными издали.

Из воспоминаний Мишимо (Марека Хованского), июнь 1972 г.

Мы встретились на площади Свободы под монументом. Сокольских решил поподробнее ввести нас в курс дела: что же именно нам предстояло испытать в ближайшие три дня.

– Большинство из нас в течение жизни движется по одним и тем же весьма немногочисленным маршрутам, – невозмутимо начал он с очевидного трюизма. – Например, дом–работа, дом–работа–рюмочная или дом–институт–библиотека. Отчего так? Очевидно же, что ни мир, ни даже наш город не может быть сведен только к этим местам, однако же получается, что для человека, живущего по маршруту дом–работа–рюмочная – а по воскресениям, допустим, еще церковь, – Выжград и есть по сути только эти три-четыре места. Ритм нашей жизни задает общество, твое положение в обществе задает твою географию. Очень скудненькую географию, я бы сказал. Некоторые стараются расширить свою географию, отправляются в театр или на выставку, или на прогулку по Буковой аллее. Но ведь, если вдуматься, такое вот волевое решение включить в свою географию еще какие-то места само по себе тоже является заложником нашего статуса, образования, нашего окружения, наконец. Даже выбирая вроде бы случайный маршрут по карте, мы невольно от-

талкиваемся от логики, отраженной в создании этой карты, и от логики, предписывающей правильное ее прочтение. В средневековом городе это будет одна логика, в буржуазном – другая. Но в любом случае эта логика будет воспроизводить отношения власти, деление людей на господ и обслугу, наши представления о престижном и постыдном, о важном и пустяшном, о том, что есть, и о том, чего нет и быть не может.

Дрейф – это не просто путешествие, когда ты запланировал некий маршрут, добавил он после многозначительной паузы. Дрейф впускает в твою жизнь случайность, хаос.

– То есть дрейф должен привести нас в мир хаоса? – поинтересовался Жан-Поль, скручивая папиросу.

– Не совсем так, – ответил Сокольских. – Опять ты будешь дымить?.. Дрейф использует хаос, но не служит ему. Мы отказываемся от привычных приоритетов в выборе маршрута и отдаемся случаю, благодаря которому нам открываются другие пути, другие маршруты, о существовании которых раньше ты мог и не подозревать. В конце концов, ты можешь открыть для себя совершенно новую географию твоей жизни. Да и совершенно новую жизнь.

Юлиус припомнил одного кшатрия из племени шакьев, которого однажды подобный случайный дрейф побудил оставить жизнь в достатке и удовольствиях и встать на путь мудреца. Этот новый путь, как мы знаем, привел его к четырем благородным истинам, а нам подарил новую мировую религию. «Вот только новой религии нам и не хватало», –

пошутил Жан-Поль. А Сокольских сказал, что нельзя видеть в дрейфе средство для изобретения какой-то еще одной новой «истины» или нового порядка. Дрейф, наоборот, нужен как раз для того, чтобы увидеть условность имеющихся истин и существующего порядка и обрести свободу от них.

Юлиус спросил, насколько свободен был сам Сокольских, когда в качестве точки, где мы должны были встретиться, предложил место, называемое площадью Свободы. Тот с досадой отмахнулся и предложил отправиться, наконец, в путь. Позже он все же признал, что, наверное, он не был свободен, но ведь, когда мы выбирали, откуда начать свое странствие, мы находились еще по ту сторону дрейфа.

Мы прошли несколько кварталов по Лучисте, потом Сокольских вдруг предложил свернуть налево в какой-то малопривлекательный двор. «Сюда?» – Жан-Поль не смог скрыть своего удивления. Сокольских спросил, а почему бы нет? Смысл дрейфа – не строить заранее никаких маршрутов, не питать никаких иллюзий, не попадать в плен ни к каким надеждам. Смысл дрейфа – уступить спонтанности, следовать зову внезапных импульсов, почувствовать, как самые неожиданные дороги могут вдруг увлечь тебя.

Первый день нашего дрейфа так и прошел в броуновском блуждании по староградской стороне. Дворы и переулочки складывались в сложный урбанистический лабиринт, и я спросил друзей, кто мы в нем: Тесей или Эдип? Или Минотавр, предположил Юлиус. У Тесея была путеводная нить,

дрейф же требует, чтобы мы выпустили ее из рук, сказал Сокольских. Так что, скорее, слепец Эдип. Но только Минотавр был настоящим обитателем своего лабиринта, возразил Жан-Поль, как и мы в нашем городе. Правда, Минотавр вряд ли заплутал бы в нем, так что это тоже не дрейф. Значит, Эдип-Минотавр, рассмеялся Юлиус, слепой хозяин своего лабиринта, подобный Полифему в его пещере. Только из полифемовского уравнения нужно вычесть Одиссея, сказал Жан-Поль, мы ослепляем себя сами. Чтобы прозреть и начать нашу собственную одиссею, кивнув, добавил Сокольских.

Наш путь по узким улочкам иногда вдруг взрывался выходом на широкие артерии-проспекты и просторные площади, щедро умытые ярким летним солнцем. Однако мы старались не задерживаться надолго в знакомых нам местах. То здесь, то там нам внезапно открывались неожиданно красивые вещи: резные наличники на окнах обветшалого дома, стена с изящной лепниной, балкон, увитый сочным плющом. В этой случайно повстречавшейся красоте ощущались невидимые глазу следы какой-то потаенной игры, в которую начинал играть с нами город, игры, коей город жил, невзирая на все игры, в которые играли люди, в нем обитающие. Когда в ногах собиралась усталость, мы делали привал и подкрепляли наши силы взятой с собой или же купленной по дороге в лавке снедью. Сокольских обратил внимание на то, что к концу дня наши остановки стали чаще. Я подумал, насколько излишни

бывают некоторые его замечания, но промолчал.

Поздним вечером мы вышли к Визмяти где-то в районе Руколожия и пошли вдоль набережной, подчиняясь плавным изгибам ее спокойного, текучего тела. В одеяле ее влажной прохлады мы решили и заночевать, расположившись под Кузнечным мостом. Жан-Поль, помнится, отпустил какую-то шутку, припомнив свою старую фамилию, вроде того, что дрейф привел его домой.

На следующий день мы перешли на новоградскую сторону и продолжили наше странствие. Прихотливыми извилистыми маршрутами мы забрели в квартал художников, где в тени каштанов, как водится по погожим дням, расположились люди так называемых творческих профессий и их поклонники. Один из портретистов, писавший свои жертвы в виде нагромождения разноцветных кубиков, узнал Жан-Поля и подошел к нам, разглаживая редющую седую шевелюру. Старый грязный пиджак оливкового цвета, надетый на голое тело, не желал сходиться на его величественном животе, верхняя пуговица брюк была расстегнута, держались они на синих подтяжках, выставя на обозрение почтенной публики мясистые лодыжки. Это Спиридон Барнабас, шепнул нам Жан-Поль. Художник одарил нас щербатой улыбкой и предложил выпить с ним по стакану вина. Для убедительности он потрясал бутылкой, на дне которой просматривалась темная жидкость. Жан-Поль сделал нам знак, чтобы мы не соглашались. Юлиус вежливо отказался, и разочарованный Спири-

дон огорченно поплелся обратно к своему мольберту. Мы отправились дальше, и я поинтересовался, что, собственно, плохого в том, чтобы выпить со старым художником. Не следует его поощрять, отозвался Жан-Поль. Спиридон пьяница, на выпивку спускает все, но никто не покупает его картин, вот он и надеется, что, допив с ним то, что осталось у него в бутылке, мы непременно сходим за следующей, а потом еще за одной или даже двумя. Все ли здесь такие же, как Спиридон? – спросил Юлиус, задумчиво скользя взглядом по работам, расставленным вдоль аллеи, по которой мы проходили. Жан-Поль ответил, что не все, но многие. Однако это не мешает им всецело отдаваться искусству – в свободное время.

Он заметил, что, с точки зрения экономической производительности, они просто бездельники и трутни, но разве красота, которую им порой удается привнести в мир, должна взвешиваться на весах материальных благ? Юлиус припомнил ему, что, например, по Платону, подлинное прекрасное – божественно, а, значит, мирским мерилom охвачено быть никак не может, но посетовал, что, на его взгляд, чаще всего «искусство» тех, кто зовет себя художниками, с этой красотой ничего общего не имеет. Жан-Поль покачал головой и сказал, что, хотя Юлиус и я с ним не согласимся, пора бы уже покончить с этой метафизической косностью. Нет и не может быть никакого универсального шаблона прекрасного, который позволил бы нам сказать, что вот этот художник творит подлинную красоту, а вот этот – лишь жалкую мазню. Ван-

Гога и Модильяни тоже не слишком жаловали их современники. Там, где один видит мусор, другой может испытать катарсис. Я сказал, что отсюда еще не следует, что за всем этим многообразием форм, фигур, образов, приводящих разных людей в восторг, не стоит какое-то Великое прекрасное, попросту не схватываемое ни одним глазом во всей его полноте. Юлиус признал, что, да, формы красоты многолики, и утверждать, что ты наверняка знаешь, что на самом деле прекрасно, а что лишь выдает себя за таковое, не в праве ни один человек, однако красота может, как воспитывать, так и развращать. И для общества, для страны, для народа красота, которая поможет воспитать правильного человека, станет полезной, целесообразной. Сокольских, до этого лишь молча шагавший рядом, рассеянно поглядывая на выставленные художниками рисунки, вдруг резко остановился. Красота существует только один миг, сказал он нам. Тот миг, когда ты что-то увидел и тебя охватил трепет, невыразимый ни в каких словах. А потом, когда ты говоришь кому-то «посмотри, это прекрасно», красоты-то уже нет, она ушла. И, может, она и явится вдруг этому кому-то, как однажды мелькнула перед твоими глазами, а, может, и черта-с-два. И любые попытки воспитать «правильных» людей красотой уже не имеют к красоте никакого отношения.

Вообще этот день выдался весьма урожайным на беседы, в которых каждый остался при своем мнении. Как мы оказались на Ратушной площади, никто из нас, похоже, так и

не понял, но вот над нами уже взметнулась Часовая башня с огромным циферблатом и стрельчатými окошками по бокам, из которых в урочное время появляются фигуры Пророков. А напротив – украшенный колоннами фронтальный подъезд Национального собрания. Жан-Поль вспомнил Баумгартена и тут же осекся, посмотрев на Юлиуса. Однако тот казался совершенно невозмутимым, и Жан-Поль поинтересовался у Сокольского, не нарушает ли такой разговор наш дрейф – ведь мы хотели освободиться от всего, что довлело над нами в обычной жизни. Напротив, покачал головой Сокольских, взгляд изнутри дрейфа может вдруг открыть нам какой-то новый ракурс на вроде бы очевидные вещи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.